

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/34/14

**ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
КУРАЙКА-2 (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ):
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ТЮРОК
В ЭПОХУ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА***

Никита Александрович Константинов
Николай Николаевич Серегин

Аннотация. В статье представлены результаты изучения и культурно-хронологической интерпретации материалов раскопок на погребально-поминальном комплексе Курайка-2. Данный памятник расположен в Юго-Восточном Алтае и исследовался экспедицией Горно-Алтайского госуниверситета в 2016 г. Анализ особенностей наземных и внутримогильных конструкций кургана 1 и оградки 2, а также зафиксированных элементов обрядовой практики позволил отнести эти объекты к археологической культуре раннесредневековых тюрок. Изучение сопроводительного инвентаря, включающего, главным образом, предметы конского снаряжения и украшения, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования стали основанием для определения хронологии раскопанных сооружений в рамках середины – второй половины VIII в. н.э. Материалы комплекса Курайка-2 подтверждают сделанные ранее заключения о том, что тюрки продолжили проживать на Алтае после крушения Второго Восточнотюркского каганата, а обозначенный регион не был включен в державу уйгуров. Исследованное женское погребение, в котором обнаружены довольно ценные предметы тюркетики из цветных металлов, демонстрирует сохранение отдельными группами тюрок достаточно высокого статуса в системе социально-политической иерархии кочевников центрально-азиатского региона в обозначенный период. Очевидно, одна из таких групп кочевников проживала в Юго-Восточном Алтае, о чем свидетельствуют как публикуемые материалы, так и результаты раскопок других памятников на данной территории. Детализация различных аспектов истории тюрок Алтая в уйгурское время связана как с дальнейшими полевыми исследованиями, так и с публикацией материалов раскопок прошлых лет, часть которых введена в научный оборот весьма фрагментарно.

Ключевые слова: тюрки, уйгурское время, археологический комплекс, Юго-Восточный Алтай, раннее средневековье

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности». Технико-технологическая характеристика публикуемых предметов выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 20-78-00035 «Хозяйственные системы и способы использования горных долин Центрального и Юго-Восточного Алтая в претюркское время и средневековье».

Введение

В настоящее время Алтай является ключевой территорией для изучения истории раннесредневековых тюрок на основании материалов археологических памятников. В обозначенном регионе раскопано не многим менее 200 погребений и свыше 300 поминальных комплексов, демонстрирующих различные стороны обрядовой практики кочевников во второй половине I – начале II тыс. н.э. Усилиями нескольких поколений ученых сформирован значительный опыт интерпретации этих данных, представленный в многочисленных статьях и серии обобщающих монографий. Вместе с тем очевидны перспективы дальнейших изысканий, связанных как с проведением полевых работ в конкретных частях Алтая, так и с раскопками объектов определенных хронологических периодов в истории тюрок. Кроме того, весьма актуальными являются исследования археологических комплексов на современном уровне с использованием методов естественных наук. В настоящей статье представлены результаты раскопок и разноплановой интерпретации объектов комплекса Курайка-2 в Юго-Восточном Алтае в контексте изучения истории тюрок в уйгурское время.

Характеристика результатов раскопок

Археологический комплекс Курайка-2 расположен в северной части Курайской котловины, на краю левобережной террасы реки Курайка, в 2 км к северо-востоку от села Курай Кош-Агачского района Республики Алтай (рис. 1, а, б). Объекты в данной местности были отмечены Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым (1941: 77). Тогда исследователи насчитали всего 45 курганов вдоль левого берега реки Курайка. Вероятно, в число этих сооружений были включены также и некоторые объекты могильника Курайка-2. Проведение раскопок экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи на данном некрополе в 2016 г. было связано с разрушением серии объектов, о котором стало известно после сообщения главы села Курай А.П. Кордоева. На момент исследований на памятнике зафиксировано 14 отдельных каменных конструкций. В аварийном состоянии находились два объекта в западной и один в южной части могильника (рис. 1, в). Два таких сооружения (курган 1 и оградка 2) располагались между действующим руслом реки и старым. Результаты раскопок этих объектов представлены далее.

Курган 1 расположен в западной части комплекса, на краю левобережной террасы реки Курайка (рис. 1, в). Западная пола кургана находилась почти вплотную к краю обрыва берега. С южной стороны кургана выявлена оградка 2, причем развал насыпи кургана зафиксирован вплотную к оградке.

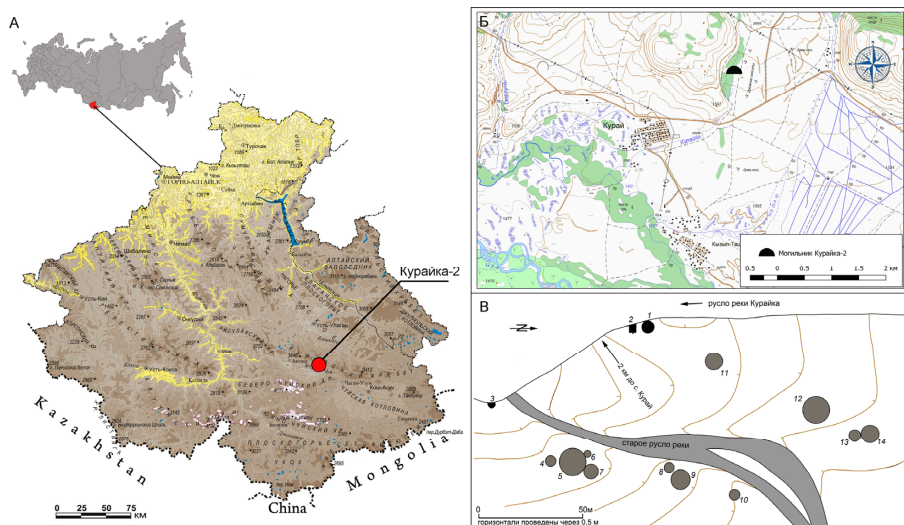

Рис. 1. Местонахождение и план могильника Курайка-2

Объект имел округлую форму и западину в центре, в которой росла небольшая лиственница. Размеры насыпи – 6,5×6 м, высота 0,4 м (рис. 2, 1). После разборки насыпи кургана выявлена крепида округлой формы, размером 5,5×5,8 м, сложенная из каменных блоков и окатанных камней.

Внутри крепиды выявлено пятно могильной ямы, смещенное от центра в северную часть. Могильная яма округлой формы имела размеры 1,65×1,9 м, глубину 0,77 м и немного сужалась ко дну. В нижней западной части ямы, в области ступней погребенного, выявлено небольшое расширение (до 0,15 м). На дне могилы, в ее северной половине находилось погребение человека (судя по инвентарю, женщины), уложенного вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 2, 2). С правой стороны черепа выявлено железное изделие плохой сохранности (очевидно, фрагмент ножа). Также с правой стороны под головой обнаружен скомканный фрагмент ткани (шелк?), внутри которого находилась бронзовая серьга. Второе такое изделие найдено при очистке черепа в камеральных условиях, с левой стороны, в слое прикипевшего грунта с войлочным (?) тленом и фрагментами ткани.

В южной половине могилы, в 0,45 м от умершего человека находилось сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на животе, с подогнутыми конечностями, и ориентировано в противоположную от человека сторону – на юго-запад. С правой стороны таза и у ребер лошади обнаружены 13 круглых и две фигурные бронзовые бляхи. С обоих боков животного находились два железных стремена. В районе спины коня обнаружены две костяные подпружные пряжки с

подвижным язычком, две костяные цурки (застежки от пут), небольшая железная пряжка, бронзовая обойма-рамка. Рядом с передней левой лопаткой зачищена узкая вытянутая фигурная бронзовая бляха (вероятно, наконечник подщечного ремня узды).

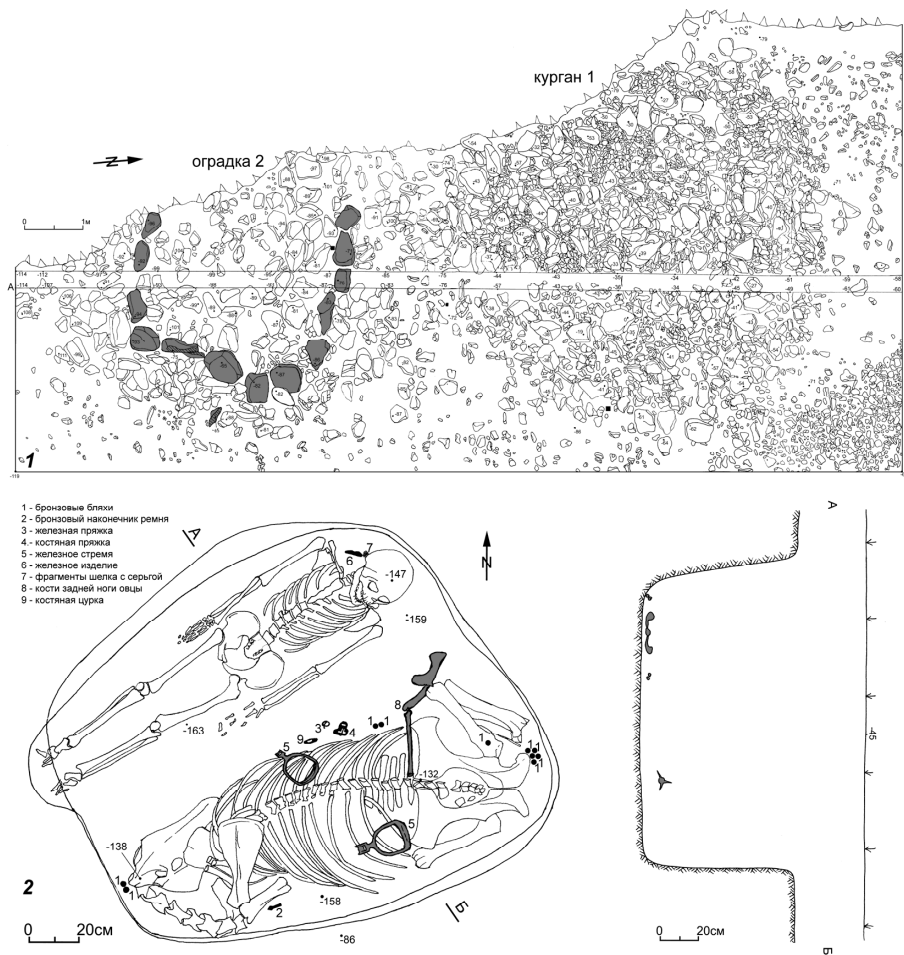

Рис. 2. Могильник Курайка-2. План насыпей исследованных объектов (1), план и разрез погребения в кургане 1 (2)

Под черепом лошади найдены четыре круглые бронзовые бляхи, две фигурные бронзовые бляхи, прямоугольная бронзовая рамка и овальная бронзовая обойма. В районе затылка находились две круглые бронзовые бляхи. В челюстях лошади зачищены железные удила с псалиями. В районе крупа животного, с правой стороны, выявлены лежащие в анатомическом порядке кости ноги овцы.

Ограда 2 расположена в западной части комплекса, на краю лево-бережной террасы реки Курайка, вплотную к южной части развала насыпи кургана 1. Объект имел подквадратную форму и был сложен из крупных окатанных каменных блоков (рис. 2, 1). Размеры ограды составляют 1,8×1,8 м. Внутренняя площадь сооружения заполнена камнями средних размеров. С восточной стороны ограды установлена стела – вертикальная каменная плита, ориентированная длинной гранью по линии восток–юго-восток – запад–северо-запад. Размеры стелы – 0,5×0,37×0,18 м. В ходе зачистки внутренней площади ограды в центре выявлена ямка округлой формы, размеры которой составили 0,95×1 м, глубина – 0,68 м. В заполнении ямки найден фрагмент кости животного, а на ее дне обнаружена железная восьмерковидная петля. У восточной стенки ограды зафиксирован тлен от деревянного столбика шириной около 2 см. В юго-западной части объекта найдены два разъединенных звена сильно поврежденных железных удил с восьмерковидной петлей, а у восточной стенки – фрагмент конского копыта.

Культурно-хронологическая интерпретация комплекса

Основаниями для определения культурной принадлежности и уточнения хронологии раскопанных объектов памятника Курайка-2 являются результаты анализа зафиксированных особенностей обрядовой практики, предметного комплекса, а также данные, полученные в ходе радиоуглеродного датирования.

Погребальный обряд, реализованный в процессе возведения кургана 1, отражает «стандартные» нормы похоронной практики раннесредневековых тюрок. Подобные объекты получили широкое распространение на обширных пространствах центрально-азиатского региона во второй половине I тыс. н.э. Наземная конструкция в виде округлой каменной насыпи с крипидой выявлена в ходе раскопок более 20% курганов тюрок Алтая. Такая конструкция характерна и для синхронных комплексов на сопредельных территориях (Серегин, Матренин 2016: 94–96). Набор показателей ритуала, включающий ориентировку умершего человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от человека, представляет собой «классическую» характеристику обряда раннесредневековых тюрок Алтая, Тувы и Монголии, характерную для более 50% захоронений (Серегин, Матренин 2016: 116–118). В целом подобные погребальные комплексы получили распространение начиная со второй половины VI в. н.э. и вплоть до конца I тыс. н.э.

Ограда 2 характеризуется подквадратной формой, традиционной для «поминальных» объектов тюрок центрально-азиатского региона. «Классическими» являются и такие элементы конструкций, как неглу-

бокая ямка в центре и стала к востоку. Подобные признаки не показательны с точки зрения определения хронологии комплекса и зафиксированы в ходе раскопок тюркских оградок, датирующихся в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Несколько нетипичной чертой можно считать возведение стенок объекта не из плит, а из обычных камней. Такая характеристика, выявленная в ходе раскопок небольшой серии оградок на Алтае (Семибратов, Матренин 2008, рис. 3, 5; Суразаков, Тишкин, Шелепова 2008, рис. 10–12), вероятно, объясняется отсутствием материалов для строительства сооружения.

Предметный комплекс, зафиксированный в ходе раскопок кургана 1 и оградки 2, включает несколько категорий изделий – главным образом, различные элементы конского снаряжения, а также украшения и орудия труда. Рассмотрим эти находки более подробно.

Основная часть рассматриваемых предметов представлена изделиями, связанными со снаряжением лошади. С точки зрения хронологической интерпретации объектов показательными являются железные пластинчатые *стремена* (рис. 3, 4, 5).

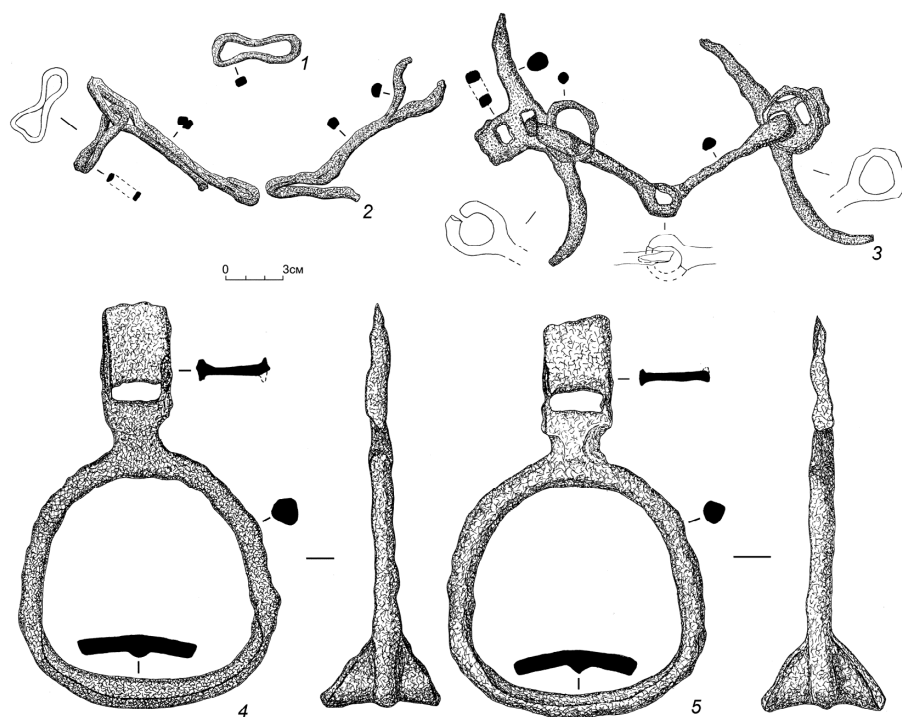

Рис. 3. Могильник Курайка-2. Конское снаряжение. 1, 2 – оградка 1; 3–5 – курган 1

Характерными признаками экземпляров, обнаруженных в погребении кургана 1, являются широкая подножка (более 6 см) с нервюрой,

высокая пластина и довольно значительные общие размеры изделий (высота – более 21 см, ширина – свыше 13 см). Подобные предметы получили распространение в археологических комплексах Алтая и сопредельных территорий главным образом в VIII в. н.э. (Евтюхова 1957, рис. 7, 1–2; Савинов 1982, рис. 4, 12–13; Кубарев 2005, табл. 127, 13–14). Схожие хронологические границы бытования имеют железные **удила** с дополнительным кольцом, а также S-видные **псалии** с заостренными окончаниями и плоскими подпрямоугольными скобами (рис. 3, 3). Судя по имеющимся материалам, предметы с такими характеристиками оформления появились во второй половине VII в. н.э., но большее распространение получили с VIII в. н.э. (Серегин, 2018: 176–178). Менее показательными являются поврежденные железные удила из оградки 1 (рис. 3, 2), время изготовления которых может быть определено в широких рамках второй половины I тыс. н.э. Восьмерковидные железные петли со сжатием в центральной части, зафиксированные в анализируемом объекте, встречаются в памятниках Алтая жужанского и раннетюркского периодов (Кубарев 2005, табл. 31, 8; Тишкин, Серегин 2011, рис. 1, 11–12; Матренин 2018, рис. 1, 3–5), и существовали вплоть до кыргызского времени (Савинов 1980, рис. 1).

Снаряжение лошади, помещенной рядом с умершим человеком, было украшено бронзовыми бляхами-накладками и наконечниками ремней. Весьма редкими для тюрок Алтая являются округлые сферические **бляхи-накладки** со шпеньковым креплением (рис. 4, 2, 3, 7–12, 14–19, 21–26; 5, 1–4). Подобные изделия, использованные для оформления узды и пояса, встречаются в ходе раскопок ряда комплексов VIII–X вв. н.э. на сопредельных территориях (Вайнштейн 1966, табл. IX, 2; Ахинжанов и др. 1987, рис. 81, 17; Савинов, Павлов, Паульс 1988, рис. 8, 1; Трифионов 2013, табл. XX, 3а). Также довольно специфичным является вытянутый фигурный **наконечник ремня** (рис. 4, 1; 6, 3), имеющий ближайшие аналогии в комплексах VII–VIII вв. н.э. с наборами изделий, оформленных в геральдическом стиле (Троицкая, Новиков 1998, рис. 26, 32; Абдулганеев 2001, рис. 1, 15; Горбунов, Рудометов 2003, рис. 1, 21–23). Более характерны для материальной культуры раннесредневекового населения Алтая неорнаментированные овально-прямоугольные короткие **наконечники ремней** с ровным бортиком, полуовальным или слегка заостренным носиком и фигурноскобчатым основанием (рис. 4, 6, 13, 20, 27; 5, 5, 6). Судя по имеющимся материалам, такие изделия появились в памятниках горной и лесостепной частей обозначенного региона во второй половине VII в. н.э. и получили распространение в VIII – начале IX в. н.э. (Савинов 1982, рис. 13, 1; Могильников 2002, рис. 15, 3; Кубарев 2005, табл. 128, 10; Горбунова, Тишкин, Хаврин 2009, рис. 21). В комплексах этого же периода встречаются бронзовые прямоугольные и подовальные **обоймы** (рис. 4, 4, 5, 26; 5, 7, 8), использованные для

оформления ремней пояса и узды (Савинов 1982, рис. 13, 7; Кубарев 2005, табл. 129, 5).

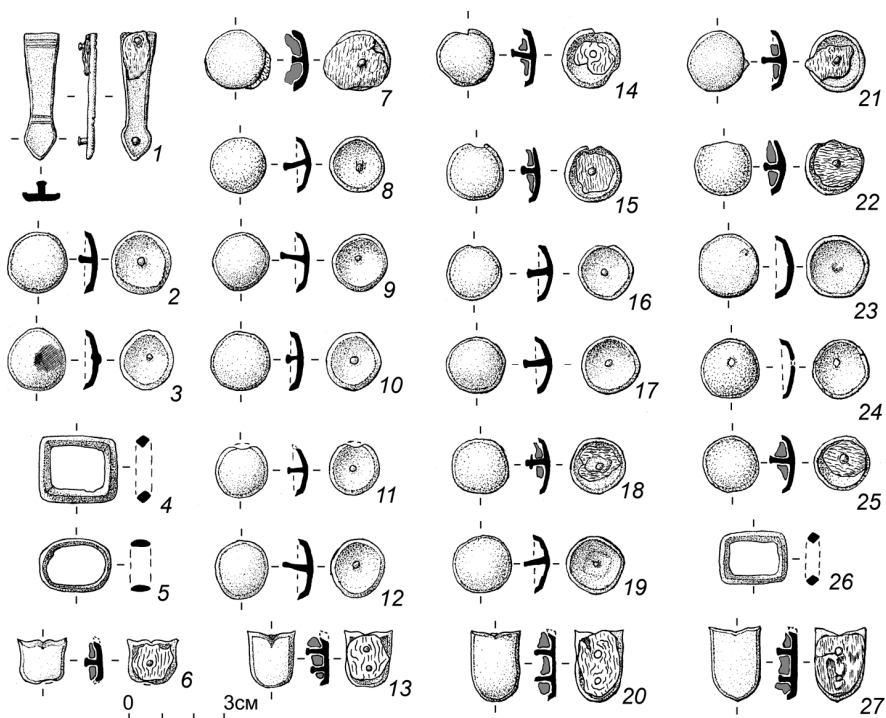

Рис. 4. Могильник Курайка-2, курган 1. Украшения конского снаряжения

К предметам конского снаряжения из погребения кургана 1 относятся также две костяные **подпружные пряжки** (рис. 7, 4, 5). Оба изделия имеют схожие морфологические характеристики – выделенную рамку, заостренную дужку (окончание) и костяной язычок. Отличие наблюдается в оформлении выреза для крепления язычка и продевания ремня – первое изделие имеет Т-образный верхний и горизонтальный нижний вырез, а второе – сплошной вырез. Костяные (роговые) подпружные пряжки в целом не являются узко датирующими находками. Вместе с тем заостренную дужку можно считать поздним типологическим признаком подобных предметов, в основном встреченным в комплексах, относящихся к последней четверти I тыс. н.э. (Неверов 1985: 200–203). Еще менее хронологически выразительными являются костяные **застежки от пут** и железная безщитковая округлая **подпружная пряжка** (рис. 7, 6–8), подобные многочисленным изделиям, получившим широкое распространение в памятниках Алтая и сопредельных территорий второй половины I тыс. н.э.

Рис. 5. Могильник Курайка-2, курган 1. Украшения узды

Рис. 6. Могильник Курайка-2, курган 1. Серьги (1, 2) и наконечник ремня узды (?) (3)

Учитывая весьма представительный набор предметов конского снаряжения, заметна фрагментарность состава изделий, предназначенных для умершего человека. Основную часть таких находок составляют две бронзовые *серьги*, обнаруженные у головы погребенного (рис. 6, 1, 2; 7, 2, 3). Оба изделия характеризуются округлой формой и длинной подвеской из серебряной (?) проволоки с двумя парами миниатюрных серебряных (?) колечек, спаянных из нескольких шариков, между которыми помещена бронзовая «бусина». На конце подвески закреплен бронзовый шарик. У одной из серег в верхней части имеется шпенек, у второй – бронзовый шарик. Судя по имеющимся материалам, предметы такого типа, изготовленные из цветных и драгоценных металлов и демонстрирующие вариабельность оформления различных деталей кон-

струкции, получили распространение в тюркских комплексах Алтая и сопредельных территорий в конце VII – первой половине IX в. н.э. (Евтюхова 1957, рис. 4, 2; Баяр 2004, рис. 15; Кубарев 2005, табл. 46, 10–11, 130, 3).

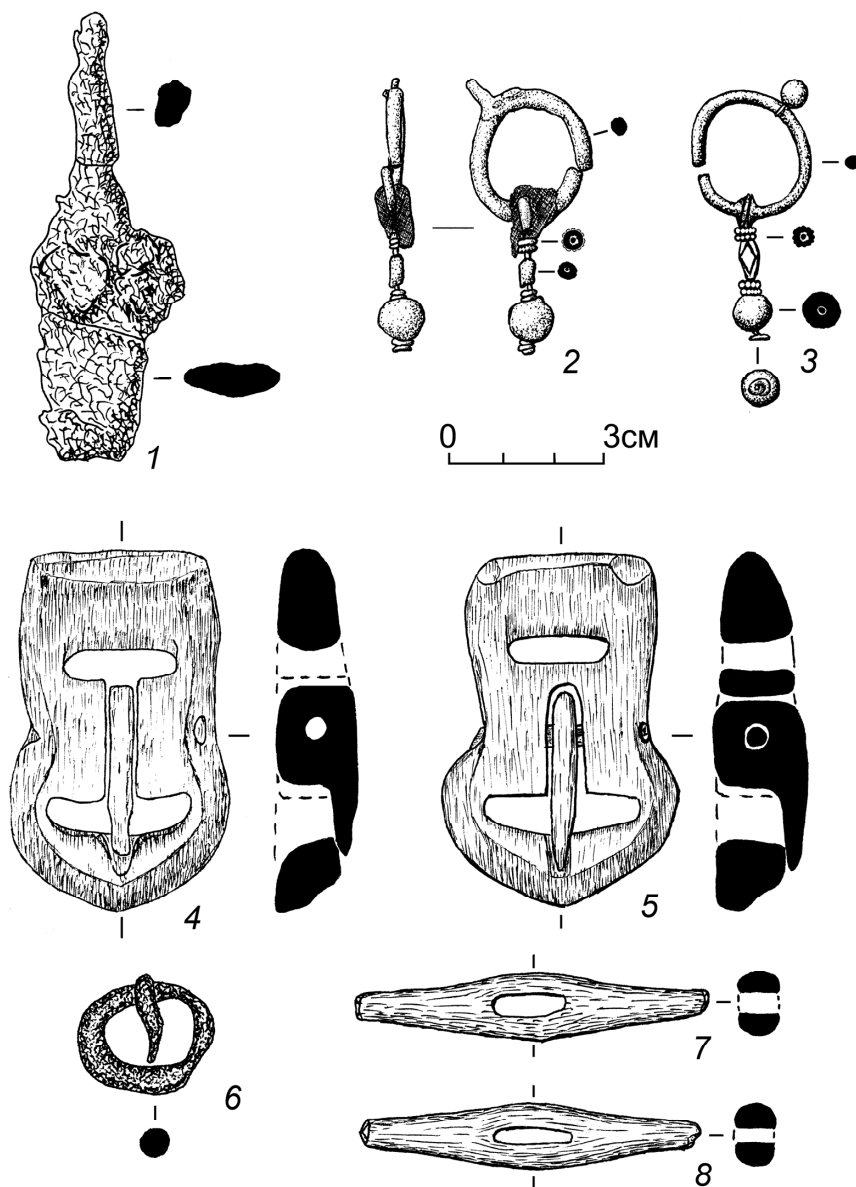

Рис. 7. Могильник Курайка-2, курган 1. Предметы, найденные у черепа погребенного (1–3), и детали конского снаряжения (4–8)

Для уточнения времени совершения захоронения в кургане 1 комплекса Курайка-2 осуществлено радиоуглеродное датирование костей человека и лошади. Данная работа была проведена в лаборатории 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания) (14CHRONO Centre, Queens University, Belfast, аналитик С.В. Свяtko). Приводимые калибровочные показатели получены при использовании программы (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM CALIB REV7.0.0). Представим полученные результаты проведенного AMS-датирования.

UBA-40780. Курайка-2, курган 1, кости человека. Радиоуглеродный возраст – 1206 ± 22 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 789–831 (0.526); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 768–887 (0.971).

UBA-40781. Курайка-2, курган 1, кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1356 ± 27 BP. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 650–672 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 634–694 (0.971).

Таким образом, анализ особенностей погребального обряда и предметного комплекса указывает на возможность определения времени сооружения кургана 1 комплекса Курайка-2 в широких рамках второй половины VII – первой половины IX в. н.э. В данном объекте присутствуют как вещи, получившие распространение на начальном этапе обозначенного периода, так и предметы, характерные для более позднего времени. Результаты радиоуглеродного анализа показали довольно противоречивую картину, которую пока сложно объяснить: учитывая возможность резервуарного эффекта, можно было ожидать «удревнения» датировки по костям человека, но полученные данные демонстрируют обратную ситуацию. В целом корреляция имеющихся сведений дает основания для «сужения» границ датировки рассматриваемого комплекса до рамок середины – второй половины VIII в. н.э. Вероятно, ограда 2 относится к этому же периоду, демонстрируя редкий случай возведения рядом синхронных погребальных и поминальных объектов раннесредневековыми тюрками Алтая.

Обсуждение результатов

Представленная хронология раскопанных объектов погребально-поминального комплекса Курайка-2 свидетельствует о времени сооружения кургана и ограды в начальный период существования Уйгурского каганата. Историко-культурные процессы, происходившие в это время на Алтае и в сопредельных регионах, исследованы довольно фрагментарно. Ключевым обстоятельством, определяющим сложность интерпретации имеющихся археологических материалов, является отсутствие единой позиции по поводу определения памятников уйгуров.

На сегодняшний день большинством специалистов признается уйгурская принадлежность городищ, раскопанных или выявленных на территории Монголии и Тувы (Данилов 2004: 150–153; Эрдэнэбат, Хюттель, Цэвээндорж 2010; Крадин 2011). Идентификация же погребальных комплексов до сих пор остается неоднозначной.

Одной из первых захоронения раннесредневековых уйгуров выделила Л.А. Евтюхова по материалам исследований на территории Монголии. К памятникам номадов данной общности археолог отнесла изученные ею погребения комплекса Орхон-Дель (Евтюхова, 1957: 220–225). Сильная ограбленность объектов не позволила Л.А. Евтюховой выделить черты обряда населения, оставившего обозначенные объекты. Спустя некоторое время Ю.С. Худяков, анализируя материалы раскопок комплекса Орхон-Дель, высказал предположение, что в исследованных могилах находились захоронения людей по обряду ингумации, в сопровождении шкуры коня (Худяков 1990). Данная концепция, за редким исключением (Ковычев, Беломестнов 1986; Амзараков и др. 2015: 158), не получила поддержки среди специалистов. Это связано не столько со сравнительно небольшим количеством раннесредневековых захоронений со шкурой лошади (Ховалыг 2010: 48), сколько с дискуссионностью этнокультурной интерпретации подобных объектов. Данное обстоятельство довольно подробно представлено С.П. Нестеровым (1990: 63–67), который обратил внимание на то, что захоронения со шкурой лошади появились в Алтае-Саянском регионе по крайней мере со скифской эпохи, а также отметил возможность рассмотрения подобных объектов, датирующихся второй половиной I тыс. н.э., как результат модификации обряда тюрков.

Альтернативная точка зрения по поводу выделения погребальных комплексов раннесредневековых уйгуров, получившая довольно широкое распространение, сформулирована Л.Р. Кызласовым и представлена в фундаментальном издании из серии «Археология СССР», а также в ряде публикаций исследователя (Кызласов 1969: 56–87; 1981). По его мнению, к рассматриваемой общности должны быть отнесены захоронения в катакомбах могильников Чааты-I и II в Туве. Вместе с тем в работах целого ряда исследователей обоснована дискуссионность подобной хронологической и культурной интерпретации обозначенных комплексов, не предполагающая возможность отнесения их к уйгурам (Варламов 1987, Азбелев 1991; Савинов 2006).

В последнее десятилетие в результате исследований монгольских археологов в центральной части страны получены довольно оригинальные материалы, демонстрирующие особую группу раннесредневековых памятников. По мнению специалистов, они могут быть соотнесены с культурой уйгуров (Очир и др. 2008; Ochir et al. 2010; Эрдэнэбат, Батсайхан, Дашдорж 2012). Следует отметить, что большую часть рас-

смаатриваемых комплексов составляют явно «элитные» объекты, на основании которых сложно судить о погребальных традициях уйгуров в целом. Монгольские археологи отмечают несколько разновидностей этих сложных конструкций. В большинстве случаев объект представлял собой подземный склеп из кирпичей, к которому вел ступенчатый дромос. Это сооружение окружалось валом и рвом. В центре ограды на глиняной платформе возводилось некое подобие субургана или храма с крышей, украшенной черепицей. Вероятно, наземная конструкция предназначалась для жертвоприношений. Нельзя не отметить, что по ряду конструктивных характеристик, а также по наличию росписей эти объекты близки традициям китайской похоронной обрядности.

Важно подчеркнуть, что объектов с подобным набором характеристик на Алтае не известно. Также отсутствуют свидетельства какого-либо системного влияния на население Алтая в области обрядовой практики и материальной культуры, которые можно было бы связывать с уйгурами. Анализ материалов раскопок небольшой серии археологических объектов второй половины VIII – первой половины IX в. н.э., раскопанных на рассматриваемой территории, позволил исследователям прийти к выводу о том, что данный регион не был включен в состав Уйгурского каганата (Кубарев 1998: 292; Тишкин 2007: 199). Вероятно, после крушения империи в 744 г. тюрки продолжали проживать на Алтае, сохраняя известную степень независимости в бурных процессах политической истории Центральной Азии.

Материалы раскопок комплекса Курайка-2 подтверждают представленные заключения. Исследованное погребение демонстрирует стандартные характеристики обрядовой практики тюрков. Зафиксированный представительный комплекс изделий, включающий предметы торевтики из цветных металлов, свидетельствует о довольно высоком прижизненном социальном статусе умершей женщины, а также о самой возможности распространения подобных комплексов на Алтае в уйгурское время.

Возвращаясь к характеристике истории Алтая во второй половине VIII – первой половине IX в. н.э., отметим, что количество памятников раннесредневековых тюрков данного периода, по сравнению с предшествующим этапом их истории, довольно резко снижается. К настоящему времени такие объекты раскопаны на нескольких погребальных и поминальных комплексах, локализованных в разных частях региона (Бике-IV, Джолин-I, Катанда-II, Кер-Кечу, Курай-II, Туэкта, Узунтал-VI, VIII, Юстыд-XIV и др.). Очевидно, ключевым фактором, определившим данную ситуацию, стало крушение Второго Восточнотюркского каганата. Одним из последствий являлся отток тюркского населения из Алтая и сопредельных территорий в Верхнее Приобье, приведший к формированию сrostкинской археологической культуры (Неверов, Горбунов 2001: 177–178).

Заключение

Материалы раскопок погребально-поминального памятника Курайка-2 расширяют имеющиеся сведения об особенностях истории населения Алтая в эпоху Уйгурского каганата. Анализ особенностей устройства кургана 1 и оградки 2 позволил заключить, что исследованные объекты относятся к культуре раннесредневековых тюрок. Изучение предметного комплекса и корреляция полученных данных с результатами радиоуглеродного датирования свидетельствуют о сооружении этих объектов в середине – второй половине VIII в. н.э. Полученные данные подтверждают тезис о том, что после крушения Второго Восточнотюркского каганата кочевники данной общности продолжали проживать на Алтае, сохраняя значительную степень политической независимости. На памятниках этого периода, исследованных в разных частях региона, выявлены погребения с представительным составом инвентаря, включающим «престижные» изделия из цветных и драгоценных металлов и отражающим высокий социальный статус их владельцев. Отметим, что серия показательных комплексов уйгурского времени локализована в Юго-Восточном Алтае, что может свидетельствовать о расположении на данной территории одного из центров объединения тюрок.

Детализация различных аспектов истории тюрок Алтая в уйгурское время связана как с дальнейшими полевыми исследованиями, так и с публикацией материалов раскопок прошлых лет, часть которых введена в научный оборот весьма фрагментарно. В частности, большое значение имеет изучение и интерпретация на современном уровне ярких результатов работ Саяно-Алтайской экспедиции в Курайской степи (Евтюхова, Киселев, 1941). Часть этих материалов относится к последней четверти I тыс. н.э. и является опорной при характеристике сложных процессов этнокультурной и социально-политической истории тюрок в период их существования в составе каганатов уйгуров и кыргызов.

Литература

- Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 128–131.
- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильников Чааты I–II // *Проблемы хронологии и периодизации в археологии*. Л.: ЛГУ, 1991. С. 61–68.
- Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Митько О.А., Поляков А.В. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 151–164.
- Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Тамагабетов Ж.К., Трифионов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987.

- Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 73–84.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Варламов О.Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КеМГУ, 1987. Ч. II. С. 181–183.
- Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. № 2. С. 207–217.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И. Исследования в бассейне р. Онон // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1986. С. 151–154.
- Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2011. Вып. 72 (1–2). С. 330–351.
- Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 290–298.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005.
- Кызласов Л.П. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кызласов Л.П. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 52–54. (Археология СССР).
- Матренин С.С. Удила и псалии кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 67–71.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002.
- Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 176–178.
- Нестеров С.П. Конь в культурных тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Оdbaатар Ц., Анхбаяр Б. Уйгуры язгууртны бунхант булш // Археологийн суудлал. 2008. Т. XXVI. С. 328–368.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. Вып. 1. С. 161–169.
- Савинов Д.Г. Потомки кокэльцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 44–50.

- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
- Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. 2008. Вып. 4. С. 54–66.
- Серегин Н.Н. Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 174–181.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 13–114.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998.
- Ховалыг У.Т. Проблемы истории и культуры древних уйгуров Центральной Азии в археологических исследованиях // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 42–50.
- Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.
- Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон довд 2011 онд явуулсан археологийн судалгаа // Археологийн суудлал. 2012. Т. XXXII. С. 229–258.
- Эрдэнэбат У., Хюттель Х.-Г., Цэвээндорж Д. Уйгурын нийслэл Хаар Балгасыг археологийн талаар шинжлэн судалсан тойм // Археологийн судлал. 2010. Т. XXIX. С. 302–324.
- Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. Vol. 8. P. 16–26.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2020 г.

Kuraika-2 funeral-memorial complex in South-Eastern Altai: new materials for the history of the Turks in the Uyghur Kaganate time

Siberian Historical Research – Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/34/14

Nikita A. Konstantinov, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation).

E-mail: nikita.knstantnv@yandex.ru

Nikolay N. Seregin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

This research was funded by the state assignment of the Altai State University, project no. 748715F.99.1.BB97AA00002 "The Turkic-Mongolian world of the Great Altai: unity and diversity in history and modernity". The technical and technological characteristics of the

published objects were performed within the framework of the project of the Russian Science Foundation № 20-78-00035 "Economic systems and ways of use of mountain valleys of the Central and South-Eastern Altai in the pre-Turkic time and Middle Ages".

Abstract. The article presents the results of the study and cultural and chronological interpretation of excavations at the Kuraika-2 burial-memorial complex. This monument is located in South-Eastern Altai and was studied by the expedition of Gorno-Altai State University in 2016. The analysis of the features of the above-ground and intra-grave structures of the barrow 1 and fence 2 as well as the recorded elements of ritual practices allowed us to attribute these objects to the archaeological culture of the Early Medieval Turks. The study of the accompanying inventory, including mainly horse harness and jewelry items, as well as the results of radiocarbon dating have provided a basis for determining the chronology of the excavated structures within the framework of the middle-second half of the 8th century A.D. The materials of the Kuraika-2 complex confirm the earlier conclusions that the Turks continued to live in Altai after the collapse of the Second East Turkic Kaganate and the designated region was not included in the Uigur state. The investigated woman's burial which contains rather valuable non-ferrous metal items demonstrates the preservation by separate groups of Turks of a rather high status in the system of socio-political hierarchy of the nomads of the Central Asian region during the investigated period. Apparently one of such groups of nomads lived in Southeastern Altai, as evidenced both by the published materials and by the results of excavations of other monuments in this territory. The detailing of various aspects of the history of the Altai Turks in the Uigur time is connected both with the further field studies, and with the publication of the materials of the past years' excavations, some of which were introduced into the scientific circle rather fragmentarily.

Keywords: Turks, Uyghur period, archaeological complex, Southeast Altai, early Middle Ages

References

- Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyi 10 – pamiatnik drevnetiurkskoi epokhi v severnykh predgor'iax Altaia [Gorny 10 Graveyard - a monument of the ancient Turkic era in the northern foothills of Altai]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaia Sibir' i sopredel'nye territorii* [The Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2001, pp. 128–131.
- Azbelev P.P. K issledovaniuu kul'tury mogil'nikov Chaaty I–II [To the study of the culture of the cemeteries of Chaata I-II]. In: *Problemy khronologii i periodizatsii v arkhologii* [Problems of Chronology and Periodization in Archaeology]. Leningrad: LGU, 1991, pp. 61–68.
- Amzarakov P.B., Lazarev I.P., Mit'ko O.A., Poliakov A.V. Etnokul'turnaia prinadlezhnost' srednevekovogo zakhoroneniiia so shkuroi konia v doline reki Idzhim v Zapadnom Saiane [Ethno-Cultural Attribution of the Medieval Burial with Horse Skin from the Idzhim River Valley in the Western Sayan], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriiia, filologiiia*, 2015, Vol. 14, no. 7: Archeology and Ethnography, pp. 151–164.
- Akhinzhanov S.M., Ermolaeva A.S., Maksimova A.G., Samashev Z.S., Tamagabetov Zh.K., Trifonov Iu.I. *Arkhologicheskie pamiatniki v zone zatopeniia Shul'binskoi GES* [Archaeological monuments in the flood zone of the Shulbinsk Hydroelectric Power Plant]. Alma-Ata: Nauka, 1987.
- Baïar D. Novye arkhologicheskie raskopki na pamiatnike Bil'ge kagana [New archaeological excavations at the Bilge Kagan monument], *Arkhologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 2004, no. 4(20), pp. 73–84.
- Vainshtein S.I. Pamiatniki vtoroi poloviny I tysiacheletiiia v Zapadnoi Tuve [Monuments of the second half of the first millennium in Western Tuva]. In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi*

- arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. Vol. II, pp. 292–334.
- Varlamov O.B. O datirovke «uigurskikh» pogrebenii Tuvy [On the dating of "Uyghur" burials in Tuva]. In: *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii* [Problems of the Archaeology of Steppe Eurasia]. Kemerovo: KemGU, 1987. Book II, pp. 181–183.
- Gorbunov V.V., Rudometov P.L. Srednevekovye pamiatniki v okrestnostyakh s. Kiprino [Medieval monuments in the vicinity of the village Kiprino]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Barnaul: BGPU, 2003, Vol. XIII, pp. 52–57.
- Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Khavrin S.V. *Srednevekovye ukrasheniia konskogo snariazheniia na Altae: morfologicheskii analiz, tekhnologiia izgotovleniia, sostav splavov* [Medieval horse harness jewelry in the Altai: morphological analysis, manufacturing technology, alloy composition]. Barnaul: Azbuka, 2009.
- Danilov S.V. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii* [Cities in the Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2004.
- Evtiukhova L.A. O plemenakh Tsentral'noi Mongolii v IX v. [On the Tribes of Central Mongolia in the 9th Century], *Sovetskaiia arkheologiia*, 1957, no. 2, pp. 207–217.
- Evtiukhova L.A., Kiselev S.V. Otchet o rabotakh Saiano-Altayskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1935 g. [Report on the works of the Sayan-Altay archaeological expedition in 1935], *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, 1941, Vol. 16, pp. 75–117.
- Kovychev E.V., Belomestnov G.I. Issledovaniia v basseine r. Onon [Studies in the Onon River Basin]. In: *Pamiatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of the Ancient Cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 151–154.
- Kradin N.N. Goroda v srednevekovykh kochevykh imperiiakh mongol'skikh stepei [Cities in medieval nomadic empires of the Mongolian steppes]. In: *Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni* [Middle Ages. Studies in the History of the Middle Ages and Early Modernity]. Vol. 72(1–2). Moscow: Nauka, 2011, pp. 330–351.
- Kubarev G.V. K etnopoliticheskoi situatsii na territorii Altaia v VI–XI vv. n.e. [To the Ethnopolitical Situation in the Altai Territory in the VI–XI Centuries AD]. In: *Sibir' v panorame tysiacheletii* [Siberia in the panorama of the millennia]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1998, Vol. I, pp. 290–298.
- Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The Culture of the Ancient Turks of the Altai (based on funerary monuments)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005.
- Kyzlasov L.R. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Izd-vo MGU, 1969.
- Kyzlasov L.R. Kul'tura drevnikh uigur (VIII–IX vv.) [The Culture of the Ancient Uyghurs (VIII–IX centuries)]. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1981, pp. 52–54.
- Matrenin S.S. Udila i psalii kochevnikov Altaia sian'biisko-zhuzhanskogo vremeni [The Prongs and Psalms of the Altai Nomads of the Xianbi Zhuzhan Time]. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaia* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia, and Northern China]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2018, Vol. 2, pp. 67–71.
- Mogil'nikov V.A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh* [Nomads of the Northwest Foothills of Altai in the IX–XI Centuries]. Moscow: Nauka, 2002.
- Neverov S.V. Kostianye priazhki srostkinskoi kul'tury (VIII–X vv.) [Bone buckles of the Srostka culture (8th–10th centuries)]. In: *Altai v epokhu kamnia i rannego metalla* [Altai in the Stone and Early Metal Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1985, pp. 192–206.
- Neverov S.V., Gorbunov V.V. Srostkinskaia kul'tura (periodizatsiia, areal, komponenty) [Srostka culture (periodization, areal, components)]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskoi izmerenii. Zapadnaia Sibir' i sopredel'nye territorii* [The

- Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2001, pp. 176–178.
- Nesterov S.P. *Kon' v kul'takh tiurkoiazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia* [The Horse in the Cults of Turkic-speaking Tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990.
- Ochir A., Erdenebold L., Odbaatar Ts., Ankhbaatar B. Uiguryn iazguurny bunkhant bulsh [Tomb of an Uyghur aristocrat], *Arkheologiin suudlal*, 2008, Vol. XXVI, pp. 328–368.
- Savinov D.G. Drevnetiurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury) [Ancient Turkic burial mounds of Uzuntal (to the question of distinguishing the Kurai culture)]. In: *Arkheologiya Severnoi Azii* [Archaeology of North Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1982, pp. 102–122.
- Savinov D.G. Pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov v Gornom Altae [Monuments of the Yenisei Kyrgyz in the Altai Mountains]. In: *Voprosy istorii Gornogo Altaia* [History of the Altai Mountains]. Gorno-Altai: GANIIIaL, 1980, Vol. 1, pp. 161–169.
- Savinov D.G. Potomki kokel'tsev na strazhe uigurskikh gorodishch [Descendants of the Kokhels on guard of Uyghur towns]. In: *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Letopis', 2006, Vol. 24, pp. 44–50.
- Savinov D.G., Pavlov P.G., Paul's E.D. Rannesrednevekovye vpusknye pogrebeniia na iuge Khakassii [Early Medieval Inlet Burials in the South of Khakassia]. In: *Pamiatniki arkheologii v zonakh melioratsii Iuzhnoi Sibiri (po materialam raskopok 1980–1984 gg.)* [Archaeological monuments in the reclamation zones of South Siberia (on the materials of excavations 1980-1984)]. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 83–103.
- Semibratov V.P., Matrenin S.S. Issledovanie pogrebal'nykh i pominal'nykh pamiatnikov tiurkskoi kul'tury v zone stroitel'stva Altaiskoi GES v 2007 g. [Study of funerary and memorial monuments of the Turkic culture in the area of the Altai hydropower plant construction in 2007], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2008, Vol. 4, pp. 54–66.
- Seregin N.N. Udila i psalii iz pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tiurok Mongolii [Horse-Bits and Cheek-Pieces from Early Medieval Turkic Burials of Mongolia], *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Istoricheskie nauki i arkheologiya, 2018, no. 2(100), pp. 174–181.
- Seregin N.N., Matrenin S.S. *Pogrebal'nyi obriad kochevnikov Altaia vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The funeral rites of the nomads of the Altai in the II century BC. - XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016.
- Surazakov A.S., Tishkin A.A., Shelepova E.V. *Arkheologicheskii kompleks Kotyr-Tas na Altae* [Kotyr-Tas Archaeological Complex in Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008.
- Tishkin A.A. *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaiia kontseptsii izuchenii drevnikh i srednevekovykh narodov Altaia* [Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of the Study of Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007.
- Tishkin A.A., Seregin N.N. Predmetnyi kompleks iz pamiatnikov kyzyl-tashskogo etapa tiurkskoi kul'tury (2-ia polovina V – 1-ia polovina VI vv. n.e.): traditsii i novatsii [The Object Complex from the Monuments of the Kyzyl-Tash Stage of the Turkic Culture (2nd Half of the 5th-1st Half of the 6th Century A.D.): Traditions and Innovations], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2011, Vol. 6, pp. 14–32.
- Trifonov Iu.I. Pamiatniki drevnetiurkskogo vremeni v Tsentral'noi Tuve [Monuments of Old Turkic times in Central Tuva]. In: *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii)* [Ancient Turks in Central Tuva (based on the materials of the Sayan-Tuva expedition)]. St. Petersburg: ElekSis, 2013, pp. 13–114.
- Troitskaia T.N., Novikov A.V. *Verkhneobskaia kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Upper Ob Culture in the Novosibirsk Priob'ye]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1998.

- Khovalyg U.T. Problemy istorii i kul'tury drevnikh uigurov Tsentral'noi Azii v arkheologicheskikh issledovaniiaxh [Problems of History and Culture of Ancient Uigurs of Central Asia in the Archaeological Studies], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Istoriia, filologiia, 2010, Vol. 9, no. 3: Archeology and Ethnography, pp. 42–50.
- Khudiakov Iu.S. Pamiatniki uigurskoi kul'tury v Mongolii [Monuments of Uyghur Culture in Mongolia]. In: *Tsentral'naia Aziia i sosednie territorii v srednie veka* [Central Asia and Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 84–89.
- Erdenebat U., Batsaikhan Z., Dashdorzh B. Arkhangai aimgiin Khotont sumyn nutag Olon dovd 2011 ond iavuulsan arkheologiin sudalgaa [Archaeological survey conducted in 2011 in Olon Dov, Khotont soum, Arkhangai aimag], *Arkheologiin suudlal*, 2012, Vol. XXXII, pp. 229–258.
- Erdenebat U., Khiuttel' Kh.-G., Tseveendorzh D. Uiguryn niislel Khaar Balgasyg arkheologiin talaar shinzhlen sudalsan toim [An overview of the archeological study of the Uighur capital, Haar Balgas], *Arkheologiin suudlal*, 2010, Vol. XXIX, pp. 302–324.
- Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia, *The Silk Road*, 2010, Vol. 8, pp. 16–26.